

УДК 1:316.6

**«ГЕНДЕРНЫЕ СТРАСТИ» У NOTRE-DAME DE PARIS:
ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБОБЩЕНИЯ***Л.М. Богатова***Аннотация**

В статье представлен опыт социально-философского обобщения наиболее актуальных проблем, охвативших современные гендерные отношения. На основе событий, произошедших в последнее время во Франции, анализируются причины, особенности и противоречия, связанные с легализацией нетрадиционной сексуальности. Выявлено, что среди социокультурных последствий тех перемен, которые активно развернулись в настоящее время в сфере семейно-брачных отношений, особую озабоченность вызывает разрушение традиционных гендерных диспозиций.

Ключевые слова: культура, гендер, мораль, моногамный брак, однополый брак.

Весна 2013 года войдёт в европейскую историю как выражение яростного протеста против принятия во Франции законопроекта о легализации однополых браков. Накал страстей достиг поистине предельной остроты. Францию захлестнула волна массовых манифестаций. Только в Париже, по официальным данным, приняло участие более 200 тыс. человек. Французы выразили своё решительное несогласие с «гендерной революцией», затеянной правительством Франсуа Оланда. Сплотив ряды, граждане Франции ещё раз продемонстрировали свою высочайшую социальную активность, которая по праву составляет их славное революционное прошлое. Правда, если Великая французская революция начиналась в 1789 г. с ожесточённого взятия Бастилии, то нынешние гендерные «баталии» разыгрывались под звуки свадебного марша Мендельсона, когда 29 мая в небольшом городке Монтелье, что на юге Франции, в торжественной обстановке в присутствии пресс-секретаря правительства был официально зарегистрирован первый однополый брак между активистами гей-движения.

Резонанс этого события был огромен. Оно для многих французов стало настоящим нравственным потрясением. Однако его свершение не смогли предотвратить ни волна массовых демонстраций, ни возмущение общественного мнения, ни отдельные акции крайних мер, как-то самоубийство в знак протеста писателя-прозаика Доминика Веннера. Выражая категорическое личное несогласие с политикой правительства в отношении однополых браков, Веннер покончил с собой в Notre-Dame de Paris – в соборе, который сами французы считают не просто исторической достопримечательностью, а «сердцем Франции». Поступок пожилого литератора можно расценивать как крик отчаяния обескураженного человека, оказавшегося перед неотвратимостью катастрофы, в бездну

которой медленно, но верно сползает современное общество. Выстрел, прозвучавший 21 мая 2013 г. в Соборе Парижской Богоматери, поставил символическую точку в новейшей истории европейской культуры, основанной на традиционных нравственных ценностях, на которых выросли и окрепли такие важнейшие общественные институты, как парный моногамный брак и семья. Франция стала 14-й европейской страной, где программа «Брак для всех» обрела своё реальное воплощение.

Накал «гендерных страстей» у Notre-Dame de Paris позволил сделать ряд важных выводов практического порядка. Стало очевидно, что говорить о «единой Европе», по крайней мере в социокультурном, ментальном измерении, явно преждевременно. Не только политика мультикультурализма оказалась несостоятельной, но и тенденции движения к монокультурализму, стремление к культурной интеграции в рамках самой Европы не дали ожидаемых результатов. Напротив, в пределах европейского культурного пространства своеобразие этноисторических образований не только сохраняется, но и в определённом отношении приобретает демонстративно консервативные формы. Так, однополые браки относительно спокойно, без бурного возмущения общественности уже прошли этап легализации в ряде европейских стран¹. Однако, к немалому удивлению, во Франции, которая в иные периоды истории, что называется, задавала тон и диктовала моду в «амурных делах», а флирт превратила в искусство оболащивания, легализация «неназываемого порока» вызвала шквал негодования и бурю протестов. Судя по реакции мировых СМИ, европейцы не ожидали от французов такого ожесточённого сопротивления «нововведению» Оланда.

Более того, принятие скандального законопроекта выявило всю глубину разногласий внутри самого французского общества. На президентских выборах 2012 года Франсуа Оланд одержал победу над Николя Саркози с весьма небольшим перевесом: 46% против 44%. Представленный в парламент к ратификации законопроект об однополых браках есть не что иное, как выполнение предвыборных обещаний, которые были даны Оландом своим избирателям. Следовательно, около половины французских граждан, голосовавших за Оланда, морально были готовы принять легализацию однополых браков и в той или иной степени одобряют политику правительства в отношении сексуальных меньшинств. Но есть позиция и другой половины избирателей. Дебаты вокруг однополых браков не только обнаружили принципиальные разногласия внутри французского электората, но и выявили часть общества, готовую активно отстаивать нравственные ценности, на которых базируются традиционный брак и семья, где у ребёнка есть мама и папа, а не «родитель № 1» и «родитель № 2».

Как бы там ни было, но ситуация во Франции, сложившаяся вокруг принятия законопроекта о легализации однополых браков, ещё раз продемонстрировала, насколько сложна и противоречива сфера сексуально-половых отношений,

¹ Первой европейской страной, которая в 1989 г. узаконила однополые браки, была Дания. Затем её примеру последовали Норвегия (1993), Швеция (1994), Голландия (2000), Бельгия (2002), Германия (2002), Канада (2005). Первый однополый брак в Испании был зарегистрирован в 2007 г., что, правда, вызвало протест со стороны католической общественности. Первые шаги к принятию законопроекта об однополых браках предпринимаются сейчас в Израиле. Бурные дебаты по вопросу легализации однополых браков в настоящее время идут и в США, где из 50 штатов гей-лесбийские союзы получили юридическую санкцию пока только в одном – Массачусетс.

какое важное место она занимает в общей структуре социальных отношений и какой большой резонанс могут вызвать попытки внесения в неё каких-либо изменений. События, происходящие вокруг однополых браков, наглядно показали, насколько поляризовано общественное мнение в отношении гей-лесби-брачных союзов, выявили колоссальный разрыв в оценке происходящих перемен в сфере семейно-брачных отношений, прояснили, сколь важную роль в формировании гендерной стратификации имеют культурно-исторический опыт, национальные и религиозные традиции, нормативно-ценностные установки, отражающие особенность и неповторимость той или иной культуры.

Общественный резонанс, вызванный событиями во Франции, не только, образно говоря, пробудил «задремавшую от сытости старушку-Европу», которая оказалась перед опасностью безвозвратной утраты важнейших нравственных ценностей, но и актуализировал ряд проблем, которые безотлагательно требуют теоретического осмысления.

Одной из таких проблем, имеющих принципиальное значение для понимания сути происходящих в сексуально-половой сфере перемен, является раскрытие природы гомосексуальных отношений. Представители наук медико-биологического, клинического профиля, а также ряда гуманитарных дисциплин до сих пор не могут прийти к единству позиций не только относительно причин, распространённости, многообразия форм, психосексуальной специфики гомосексуальных ориентаций, но и в отношении эффективности применяемых в настоящее время методов и способов коррекции гомосексуального поведения. На сегодняшний день ни на один из поставленных вопросов в современной науке не имеется окончательных ответов. Справедливости ради следует отметить, что данному обстоятельству есть ряд объяснений.

Во-первых, изучение психосексуальных особенностей гомосексуальных ориентаций началось только со второй половины XIX в., когда в рамках формирующейся, делающей первые шаги науки психиатрии стали появляться исследования, посвящённые предметному анализу особенностей сексуального поведения, отклоняющегося от общепринятых норм. В этот период одна за другой выходят работы учёных-первопроходцев, взявших на себя смелость обратиться к изучению одной из самых закрытых тем, связанной с интимной стороной жизни человека, которая долгое время находилась под строгим контролем со стороны христианско-клерикальной морали.

Среди исследователей, стоявших у истоков «наук о поле», в первую очередь необходимо назвать профессора психиатрии Венского университета Рихарда фон Крафт-Эбинга, швейцарского психиатра Августа Фореля, немецких психиатров Альберта Молля и Магнуса Хиршфельда, немецкого врача-дерматолога и венеролога Ивана Блоха, английского врача Генри Хэвлока Эллиса, итальянского профессора судебной психиатрии Чезаре Ломброзо, родоначальника психоанализа австрийского врача-психиатра Зигмунда Фрейда². Нужно отметить,

² *Крафт-Эбиг* – маститый немецкий психиатр, автор первого систематического руководства «Сексуальная психопатия» (1866), которое содержало огромный клинический материал. *А. Форель* – крупнейший популяризатор сексологии, его книга «Половой вопрос» (1905) имела широкое распространение вплоть до середины 20-х годов XX в. *А. Молль* – один из родоначальников изучения детской сексуальности (наряду с З. Фрейдом). *М. Хиршфельд* внёс большой вклад в изучение трансвестизма и гомосексуализма, в 1908 г. основал первый в мире сексологический журнал, а в 1918 г. – первый Институт сексологии, который был

что, хотя перечисленных учёных отделяет от нас уже более столетия, их работы, по праву признанные классическими, до сих пор представляют огромную теоретическую ценность, поскольку они внесли значительный вклад в разработку проблемы и во многом определили дальнейшие концептуальные стратегии исследования.

Во-вторых, по мере продвижения в изучении особенностей гомосексуального поведения учёные пришли к убеждению, что исследование феномена гомосексуальности выходит далеко за рамки прикладных, медико-клинических изысканий психиатров и сексопатологов и требует объединения усилий специалистов ряда отраслей научного знания. На сегодняшний день компетентное обсуждение проблемы гомосексуальных отношений не представляется возможным без привлечения теоретических исследований, к примеру, из таких областей современной науки, как генетика, молекулярная биология, эмбриология, этология, зоопсихология, дифференциальная психология, гендерная психология, сексология, эротология, антропология, культурология и т. д.

Необходимость междисциплинарной интеграции обусловлена спецификой предмета исследования. Объединение усилий целого ряда наук естественного и гуманитарного цикла даёт свои результаты. Так, по мере углубления и нарастания интенсивности исследований учёные окончательно расстались с представлениями о половой дифференциации как о явлении, которое выражает анатомические, морфофизиологические, генитальные различия между мужчиной и женщиной, детерминированные природными факторами. Современная наука представляет пол как многоуровневую, полиструктурную и полифункциональную целостную систему и подходит к его изучению в качестве интегративного *биопсихосоциального* феномена. Изменение теоретических парадигм в трактовке природы половой дифференциации имеет прямое отношение к исследованию девиантных форм поведения в сфере сексуально-половых отношений и, несомненно, приближает к постижению природы одной из самых распространённых половых перверсий – гомосексуальности.

Кардинальное изменение представлений о поле как об интегративной, целостной структуре, которая складывается под воздействием не только природно-биологических, но и социокультурных факторов, определяющих гендерные характеристики, имеет методологическое значение для изучения нетрадиционных сексуальных ориентаций, поскольку существенно расширяет спектр детерминант, влияющих на формирование типа сексуального поведения, и позволяет выявить доминирующие факторы этого процесса. В настоящее время в науке можно выделить два основных подхода, в рамках которых предлагаются

не только лечебно-консультационным, но и просветительским центром. *И. Блох* предпринял первую попытку соотнести клинические и культурологические данные о человеческой сексуальности, его работа «История проституции» была первой, где был реализован такой синтез. *Г.Х. Эллис* – крупнейший представитель энциклопедического направления в сексологии, с его именем связана переориентация сексологической теории с биологизаторских позиций на психологические. Семитомный труд Эллиса «Исследования по психологии пола» (1897–1927) содержал всё, что было известно в то время по психологии сексуальности. *Ч. Ломброзо* в работе «Женщина проститутка и преступница» рассматривал проституцию как прямое следствие женской гиперсексуальности, а склонность женщин к преступной деятельности – как вид сексуальной озабоченности. *З. Фрейд* известен как автор самой влиятельной сексологической теории XX века – психоанализа, который рассматривается и как философская, и как психологическая теория, а также как метод лечения неврозов, психопатии и других психических патологий.

разнообразные концептуальные решения. Но всё разнообразие позиций, по сути, различается расстановкой акцентов и консолидируется вокруг решения проблемы принципиального характера: какие факторы – природные или социокультурные – являются ведущими и определяющими детерминантами разнообразных сексуальных перверсий?

На определённом этапе лидером одного из подходов был создатель психоанализа З. Фрейд, который выразил предположение, что гомосексуальная ориентация формируется как результат психологической травмы, полученной в раннем детстве и существенно деформирующей дальнейшее нормальное психосексуальное развитие личности. По мнению учёного, гомосексуальность представляет собой приобретённое в процессе инкультурации явление, то есть провоцируется извне ближайшей социальной средой на ранней стадии психосексуального развития личности. Исходя из такого понимания природы гомосексуальной девиации, Фрейд активно апробировал разработанные в рамках психоанализа методы коррекции, направленные на избавление личности от различных фобий, стабилизацию депрессивных состояний, психотерапию симптоматики неврозов и т. д.

Эффективность применяемых Фрейдом психоаналитических процедур по коррекции сексуального поведения до сих пор дискутируется в научном сообществе. Сам Фрейд откровенно признавал, что его метод не гарантирует стопроцентной результативности, поскольку либидо, определяющее тип сексуального поведения, сложно коррелирует с эмоционально-волевой и мотивационной сферами. Мотивация выбора гомосексуального партнёра может варьироваться очень широко – от эпизодических, случайных отношений, мотивированных стремлением к разнообразию партнёрства и получению острых ощущений, до продолжительных и стабильных отношений, основанных на взаимной привязанности. В этой связи оппоненты З. Фрейда не без оснований пришли к заключению, что при всей результативности психоаналитического метода в клинической практике наличие даже малой степени погрешности не даёт оснований прийти к окончательному выводу относительно приобретённого характера атипичных форм сексуального поведения. Тем не менее в современных научных исследованиях психоаналитическая традиция находит своё дальнейшее продолжение.

На сегодняшний день представители клинической психиатрии отмечают прогрессирующую динамику психических расстройств и рост депрессивных состояний на сексуальной почве, которые по темпам роста уже опережают сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Учёные связывают обозначенные процессы с переменами, происходящими в современной культуре, а именно с бурно развернувшейся сексуальной революцией. По мнению исследователей, снятие традиционных запретов и моральных нормативов в сфере сексуального поведения пагубно отражается на психическом состоянии личности и приводит к серьёзным последствиям, связанным с порой необратимыми расстройствами психики. Иными словами, человек эмоционально, психологически не справляется с той анархией, в которую его затягивает «тотально» раскрепощённая сексуальность. Сексуальная революция провоцирует и в определённом отношении нарочито насаждает нетрадиционную сексуальность, что приводит к ситуации, когда извращения тела непоправимо калечат душу.

Второй подход, который исторически превалирует и является весьма распространённым на уровне повседневного, обыденного сознания в трактовке причин, обуславливающих многообразие форм сексуальных патологий, акцентирует внимание на доминирующей роли факторов природного порядка. В современной науке наиболее активно данную позицию отстаивают представители молодых, но быстро развивающихся научных областей, таких как генетика, молекулярная биология, эволюционная эмбриология, нейропсихология, с достижениями которых связываются большие надежды. Так, приступив к расшифровке генома человека, который содержит абсолютно всю наследственную информацию о развитии человеческого организма, генетики надеются выявить в этой архисложной структуре гены, которые «отвечают» за формирование особенностей полового диморфизма.

Опираясь на предположение французского микробиолога Огюста Жоста, сделанное в 60-е годы XX в., эмбриологи доподлинно установили, что с момента зачатия каждый эмбрион имеет XX-хромосомный набор и развивается, соответственно, по феминному типу. И только начиная с 4-й по 8-ю неделю беременности может произойти включение Y-хромосомы, что кардинально перестраивает половую дифференцировку эмбриона, дальнейшее формирование которого идёт уже по маскулинному типу. Почему это происходит или не происходит – учёным пока не удаётся разобраться. Но с учётом сложности механизма активизации Y-хромосомы было выдвинуто предположение о том, что, возможно, при перестройке хромосомного набора происходит некоторый сбой, который существенным образом отражается на дальнейшем развитии эмбриона.

Один из перспективных подходов в объяснении причин формирования половых перверсий предложили нейрофизиологи. В ходе комплексных исследований, подтверждённых солидным эмпирическим материалом, выяснилось, что большую роль в формировании сексуальной ориентации имеет половая дифференцировка головного мозга, которая происходит в период эмбрионального развития на 7–8-й неделе. При этом исследователи выяснили, что существенную роль в этом процессе играет позитивное эмоционально-психологическое состояние матери, вынашивающей ребёнка. Депрессивные же состояния и стрессовые ситуации, напротив, исследователи расценивают как факторы риска, которые настолько негативно воздействуют на формирование эмбриона, что могут привести в дальнейшем к развитию устойчивых патологических форм психосексуального поведения.

Исследования влияния стрессов на протекание беременности особенно активизировались в Германии в 50-е годы XX в., когда страну буквально захлестнула волна гомосексуализма, стала резко, лавинообразно нарастать распространённость нетрадиционных половых отношений среди юношей первого послевоенного поколения. Обследовались группы риска, которые составили юноши от 14 до 20 лет, рождённые в период с 1945 по 1950 г., то есть в трудные послевоенные годы, когда беременность протекала не в самых благоприятных условиях, что пагубно отражалось на психоэмоциональном состоянии будущих матерей. Исследователи пытались выяснить, какое воздействие может оказывать угнетённое состояние центральной нервной системы на биохимические, гормональные, церебральные и прочие процессы, протекающие в организме женщины во время беременности.

Проведя ряд наблюдений, учёные пришли к заключению о наличии некоторых устойчивых корреляций между стрессовым состоянием матери в период беременности и гомосексуальностью будущего ребенка. Так под давлением конкретных исторических обстоятельств возникла стрессовая теория гомосексуальности, которая на сегодняшний день имеет определённую степень верификации и привлекает к себе всё больше сторонников. У этой теории имеется немало противников, для которых подобного рода заключения не выглядят убедительно. Оппоненты выражают серьёзные сомнения в том, что подавленные психические состояния в период беременности могут приводить к таким необратимым негативным последствиям. Один из продолжателей психоанализа, Э. Фромм, был убеждён, что гомосексуальный тип поведения у юноши с большей степенью риска формируется под влиянием факторов извне, а именно в неполной семье, в которой отсутствует отец в качестве центральной доминанты социализации. Воспитываемый одной матерью юноша на уровне подсознания или осознанно испытывает дефицит в освоении моделей поведения маскулинного типа, что неизбежно отражается на формировании и эмоционально-волевой, и сексуально-половой сферы.

Полемика вокруг стрессовой теории очень показательна, поскольку лишний раз свидетельствует, что объяснить природу гомосексуальности с позиций монокаузальности не представляется возможным. Учёные не сомневаются, что на формирование гомосексуальных ориентаций влияет огромный массив как природно-биологических, так и социокультурных факторов, ни один из которых не следует игнорировать. При этом важно подчеркнуть, что в решении проблем такой методологической значимости, какую имеет выяснение вопроса о природе многообразных половых перверсий, характеризующих сексуально-половую сферу человека, явно недостаточно ограничиться компромиссной в определённом отношении констатацией многофакторности механизма детерминации, тем более что от выявления первостепенных по значимости причин, обуславливающих многочисленные сексуальные девиации, зависит принципиальное решение вопроса о том, насколько правомерно их считать явлением противоестественным и квалифицировать как «извращения».

Думается, что для убедительности заключительных выводов необходимо изложить некоторые соображения относительно особенностей сексуально-половой сферы человека, которая представляет собой по многим характеристикам явление уникальное, стоящее в природе особняком.

Во-первых, в природе нет ни единой, ни преобладающей стратегии продолжения рода. Напротив, природа располагает огромным многообразием форм репродуктивных практик, разброс между которыми предельно широк – от полностью неупорядоченных половых отношений до парного моногамного брака. В природе не только встречаются виды высокоорганизованных животных, среди которых эпизодически практикуются половые отношения между особями одного пола³, но и имеются полностью гомогенные виды, которые представлены исключительно либо самками, либо самцами, размножение между которыми происходит

³ Так, по наблюдениям этологов, у некоторых разновидностей приматов при нехватке самок в стаде молодые самцы, достигшие половой зрелости, могут эпизодически совокупляться между собой.

в процессе партеногенеза. Иными словами, однополюе отношения в природе встречаются весьма нередко, и человек как определённое эволюционное звено – далеко не единственный представитель «порока», которым его отметила природа и который доставит ему в дальнейшем столько тягот и хлопот по мере укрепления нормативов культуры.

Во-вторых, сексуальное поведение человека является чрезвычайно поливариативным во многих отношениях. Ни одно другое живое существо не знает такого разнообразия направленности сексуального интереса. Репродуктивное поведение животных является строго регламентированным и основывается на наследственной матрице, определяющей формы копуляции. У человека же диапазон типов сексуального поведения и форм половых ориентаций чрезвычайно широк и перекрывает собой всё разнообразие, существующее в природе.

Человек, по всей вероятности, единственное существо, которое по каким-то причинам не получило от природы единой, строго заданной стратегии сексуального поведения. Широта интересов в этой деликатной сфере не знает никаких естественных рамок и границ: зоофилия⁴, многообразные разновидности мужского и женского гомосексуализма (или педерастия и лесбиянство), алгофилия, некрофилия, эксгибиционизм, аутоэротизм, вуайеризм (или визионизм), эксаудоризм, эргофилия, монументофилия (или пигмалионизм), фроттеризм (или фроттаж)⁵ – это далеко не полный перечень наиболее распространённых форм сексуальных ориентаций, которые культура постепенно перевела в разряд перверсий.

В-третьих, применяя разнообразные эмпирические методы исследования (анкетирование, интервьюирование, тестирование и другие эмпирические процедуры социологического опроса), учёные установили, что некоторые виды сексуальных перверсий, особенно гомосексуальное поведение, имеют не эпизодический характер, а являются значительно более распространёнными, чем принято считать. Большое значение для выявления достоверных данных о распространённости гомосексуального поведения имела методика, разработанная в 60-е годы XX в. А. Кинзи⁶.

⁴ *Зоофилия* (или *скотоложество*) – сексуальные контакты с животными. Как форма перверсии представляет собой определённый интерес, поскольку науке не известны межвидовые брачные союзы у животных, только у человека имеет место межвидовая копуляция. Зоофилия была достаточно распространена в архаичных культурах, о чём свидетельствуют, например, многие сюжеты греческой мифологии. Так, Зевс овладел Европой в образе быка, Ледой – лебедя, Симелой – принимая образы многих зверей и птиц.

⁵ *Алгофилия* – удовлетворение половой потребности, связанное с причинением физической боли; *некрофилия* – влечение к проведению сексуального акта с умершими; *эксгибиционизм* – демонстрация гениталий лицам противоположного пола вне ситуации половой близости; *аутоэротизм* – предпочтение собственного тела в качестве объекта полового влечения; *вуайеризм* (или *визионизм*) – достижение полового возбуждения путём созерцания чужих гениталий или наблюдение за сексуальной активностью других людей; *эксаудоризм* – получение удовлетворения от подслушивания звуков при совокуплении и других сексуальных действиях; *эргофилия* – сексуальное возбуждение, испытываемое от телодвижений; *монументофилия* (или *пигмалионизм*) – получение сексуального удовлетворения от созерцания обнажённой натуры; *фроттеризм* (или *фроттаж*) – сексуальное возбуждение, возникающее от трущихся движений телом в местах массового скопления людей.

⁶ *Альфред Кинзи* (1894–1956) – профессор Индианского университета, провёл около 19 тыс. интервью, каждое из которых содержало от 350 до 520 пунктов информации. Итоги этой титанической работы были изложены в двухтомном труде «Сексуальное поведение мужчин» (1948) и «Сексуальное поведение женщин» (1953). Статистический метод опросов А. Кинзи дал поразительные результаты: среди опрошенных мужчин 48% признавали в своём сексуальном опыте хоть один гомосексуальный контакт, 10% мужчин вели гомосексуальную жизнь в течение ряда лет, а 4% остаются гомосексуалистами. Из опрошенных женщин 28% признались, что испытывали эротические чувства к другим женщинам, 19% имели к 40 годам хотя бы один гомосексуальный контакт, исключительно гомосексуальную жизнь ведут 1% женщин.

Результаты исследования повергли широкую общественность в шок и вызвали крайнее замешательство. Специалисты же отнеслись к статистике, представленной А. Кинзи, более сдержанно, поскольку подобного рода исследования приводят к близким результатам, что даёт основание сделать заключение о достаточно большой распространённости латентных в пространствах культуры форм сексуальных девиаций. Так, по результатам исследований разных авторов, исключительно гомосексуальную ориентацию имеют от 1–2% до 5–6% мужчин и от 1% до 3–4% женщин. Эпизодические или временные гомосексуальные контакты имеют по меньшей мере 30% мужчин в сексуально активном возрасте [1, с. 257]. Таким образом, статистическое изучение вопроса выявило «неприятный факт»: оказалось, что «сексуальные меньшинства» пребывают не в таком уж и меньшинстве.

В-четвёртых, репрессивное отношение к гомосексуализму имеет конкретно-исторический характер, и не на всех этапах развития европейской культуры сексуальные пристрастия к представителям своего пола находились под строгим моральным запретом. Из опыта многих древних культур можно привести множество иллюстраций достаточно лояльного отношения к практике однополрой любви. Одной из самых известных является Древняя Греция, где мужеложество было вполне легальной практикой сексуальных отношений и было воспето как идеал «платонической любви»⁷.

Ситуация резко меняется во времена христианизации европейской культуры, приведшей к кардинальной трансформации мировоззренческих и нравственных парадигм. Христианская мораль категорично не приемлет эротику языческого мира. По мере укрепления своих позиций христианство жёсткими карательными санкциями стало пресекать «любовные союзы мужчин» и укреплять брачные узы исключительно между мужчиной и женщиной, основное предназначение которых Церковь усматривала в продолжении человеческого рода. Все прочие отношения, не ведущие к деторождению, а направленные на получение плотских наслаждений, расцениваются как греховные и подвергаются суровому преследованию и жесточайшему наказанию. Однако реальный исторический опыт свидетельствует, что, несмотря на репрессивную политику в отношении мужеложцев, это порочное явление так и не удалось искоренить, оно приняло латентные формы и, что называется, «ушло в подполье».

Кардинальные изменения в положении сексуальных меньшинств произошли в 60-е годы XX в., когда развернулась сексуальная революция, охватившая весь западный мир. Сексуальные меньшинства открыто заявили о себе, гей-/лесби-культура стала принимать демонстративные, доходящие до эпатажа формы. Сначала были гей-клубы, гей-парады, гей-литература, гей-поп-арт, гей-сообщества, теперь дело дошло до легализации однополых браков. Под натиском происходящих перемен не приходится сомневаться в правоте Г. Маркузе, который в предчувствии этих перемен говорил, что теперь именно Эрос будет определять дальнейшее развитие цивилизации (см. [3]).

⁷ В данном контексте речь идёт о высоко цивилизованном состоянии культуры, в пространствах которой утвердилась парная моногамная семья. Однако стоит напомнить, что моногамный брак представляет собой итог длительной, поэтапной эволюции семейно-брачных отношений, «стартовые» позиции которой многие исследователи связывают с промискуитетной формой, при которой отсутствует какая-либо регламентация сексуально-половых отношений. В этой связи высказывается предположение, что однополые отношения можно рассматривать как одну из первичных, архаичных протоформ антропологической сексуальности (подробнее см. [2, с. 27–37]).

Действительно, современная гендерная сфера – одна из самых динамичных. Именно в ней на сегодняшний день происходят наиболее глубокие, радикальные преобразования. Вследствие эмансипации произошли существенные подвижки в расстановке гендерных сил, общество вплотную приблизилось к достижению полного гендерного равенства. Процессы эмансипации и феминизации, которые привели к историческому раскрепощению женщины, коренным образом изменили систему базовых морально-нравственных ценностей, охватывающих сферу семейно-брачных отношений. Современная культура проявляет терпимое отношение к юридически не узаконенным формам сожителства, добрачным половым отношениям, не осуждает одиночное материнство и детей, рождённых вне брака, не запрещает расторжение брака и уголовно не преследует представителей нетрадиционной сексуальности.

Происходящие в гендерной сфере перемены можно расценивать как явные признаки разрушения традиционных ценностей классической культуры. Развернувшиеся процессы свидетельствуют о переходе западной культуры в новое, кризисное по существу цивилизационное состояние, обозначенное исследователями как *постмодерн*. Западный мир постепенно погружается в социокультурный, гендерный хаос, при котором стираются всяческие демаркации в полоролевых различиях, принимаются активно идущие процессы маскулинизации женского поведения и, соответственно, феминизации мужского, не отторгаются модели поведения, основанные на нетрадиционной сексуальности и т. д. Уподобление западной культуры «салатнице» как нельзя лучше выражает крайнюю степень разнообразия, основанного не только на праве человека быть самим собой, но и на его желании быть таким, каким он хочет. Расширив спектр гражданских прав и свобод, современная культура вплотную приблизилась к снятию всяческих запретов в одной из самых табуированных сфер и предоставила человеку право открыто заявить о своей нетрадиционной сексуальности, обеспечив возможность для её реализации⁸.

Однако «тотальная» свобода личности, к которой так долго и упорно приближался западный мир, неожиданно обернулась крушением нравственных устоев и традиционных ценностей, привела к демонтажу таких базовых, фундаментальных общественных институтов, как брак и семья. Постмодерн отвергает не только единственную, но и доминирующую стратегию в развитии многих социокультурных процессов. Свои пространства он заполняет различными инвариантными моделями семейно-брачных отношений, где наряду с парной

⁸ Справедливости ради следует отметить, что отношение со стороны западной культуры к разнообразным формам сексуальных девиаций существенно различается. Если современная культура и допускает некоторую лояльность в отношении гомосексуальных отношений и однополых браков, то речь идёт о выборе взрослых людей, сознательно заключающих брачный союз. Хочется надеяться, что в отношении таких видов гомосексуальности, как педофилия (сексуальное влечение к мальчикам) и корофилия (сексуальное влечение к девочкам-подросткам), культура будет продолжать занимать жёстко репрессивную позицию и расценивать подобную практику как уголовно наказуемое деяние, поскольку она сопряжена с актом сексуального насилия, влекущего за собой глубочайшую психологическую травму для ребенка. Хотя последние события в Голландии настораживают и шокируют: в дебатах о степени либерализации сексуальной сферы выдвигаются предложения о легализации педофилии и смягчении карательных мер в отношении педофилов. Вызывают тревогу и уроки полового воспитания в Германии, на которых, по мнению многих родителей, происходит приобщение детей младшего школьного возраста к информации, которая может существенно осложнить и деформировать процесс психосексуального развития.

моногамной семьёй, основанной на союзе мужчины и женщины, появляются гомосексуальная, групповая семья, укрепляют свои позиции «новые» формы брака: конкубинат, свинкинг, групповой, попарный, гостевой брак и т. д.

«Гендерные страсти» на улицах Парижа продемонстрировали, насколько могут быть ожесточёнными противостояния между «прошлым» и «будущим» западной культуры и насколько приближение последнего пугает и шокирует тех, кто по нравственным соображениям не готов принять происходящих перемен. Драматизм ситуации во многом усугубляется тем, что гендерные коллизии пост-модерна – это не отдельный эпизод или исторический казус. Напротив, «нововведения», охватившие гендерную сферу, представляют собой результат глубоких, объективных процессов, динамика которых во многом катализируется одобрением со стороны определённой части общества. И легализация гомосексуальных отношений, и обеспечение юридического статуса однополых браков могли состояться лишь при условии кардинальной смены нравственных парадигм в западной культуре.

Задолго до происходящих событий, находясь в предчувствии грядущих перемен, Н.А. Бердяев пророчески писал: «Мы живём в эпоху мирового потрясения родового пола. Кризис рода – самое мучительное в жизни нового человечества. <...> Сознание нашей эпохи стоит под знаком разоблачения и познания тайны пола в человеке. Его нельзя больше скрывать. Проблема пола есть основная проблема философской антропологии, она стоит в центре новой этики» [4, с. 180]. Очевидно, мы присутствуем при болезненном рождении «новой этики», выразителем которой стала соответствующая часть французского общества, так активно ратовавшая за легализацию однополых браков. Только с позиций определённой морали можно принять в сфере сексуально-половых отношений всё то, что категорично не приемлет и опротестовывает классическая, «устаревшая» мораль.

На сегодняшний день сложно спрогнозировать, насколько презентативно развернутся обозначенные процессы, какова будет их динамика и интенсивность. Не вызывает сомнений лишь одно: человеку западной культуры придётся смириться с тем, что гетеросексуальность, лежащая в основании традиционной парной моногамной семьи, останется лишь одной из стратегий в дальнейшем развитии современных семейно-брачных отношений. Под давлением объективных обстоятельств европейская культура примет в свои пространства и другие модели семьи, которые сейчас вызывают такое отторжение и рождают протестные настроения.

Очевидно, уже в скором времени западная культура приобретёт настолько деполаризованную, аморфную гендерную структуру, что трудно будет разобраться, где в гендерном отношении «мужчина», а где «женщина» и кто из двух родителей в семье «мама», а кто – «папа». Подобного рода перерождения не могут не повергнуть в состояние, обозначенное О. Тоффлером как «шок перед будущим», и можно прямо заключить, что «гендерные страсти» у Notre-Dame de Paris – это первые, зримые предвестники шока, к которому неотвратимо приближается западная культура.

Summary

L.M. Bogatova. "Gender Passions" by Notre Dame de Paris: An Experience of Social and Philosophical Generalization.

The article presents an experience of social and philosophical generalization of the most topical problems that have engulfed modern gender relations. Based on the events that occurred recently in France, we analyze the causes, peculiarities and contradictions associated with the legalization of alternative sexuality. We also make an attempt to identify social and cultural consequences of the changes that nowadays are being actively deployed in the area of family relations. Among these changes, destruction of traditional gender dispositions causes the greatest concern.

Keywords: culture, gender, moral, monogamous marriage, same-sex marriage.

Литература

1. *Кон И.С.* Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1990. – 331 с.
2. *Богатова Л.М.* Пол как метафизическая тайна человеческого бытия. – Казань: Центр инновац. технологий, 2007. – 177 с.
3. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. – М.: АСТ, Ермак, 2003. – 312 с.
4. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1: Смысл творчества. – 542 с.

Поступила в редакцию
18.09.13

Богатова Лариса Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: bolami@inbox.ru